

ЕСТЬ в поэтическом наследии Анны Ахматовой одно неопознанное военное стихотворение. Оно не входит в ее известные циклы "Ветер войны" и "Победа", в которых ни одно не выдерживает сравнения с ее же знаменитым "Мужеством". Живой голос поэта слышится только там, где появляются детали. Например, строки о первом артиллерийском выстреле по Ленинграду. Залп был, по слову поэта, "как брат" похож на раскаты грома, но

*...в громе влажность есть
Высоких свежих облаков
И возделение лугов –
Веселых ливней весть.
А этот был, как пекло, сух...*

То же мы чувствуем в отрывке о первом огне маяка в последний год войны:

*Заплакал и шапку снял моряк,
Что плавал в набитых*

*смертью морях
Вдоль смерти и смерти навстречу.*

Но я имею в виду сугубо личное стихотворение, входящее в сложную композицию "Поэмы без героя". Речь пойдет о "Втором посвящении". Оно адресовано танцовщице и драматической актрисе – Ольге Афанасьевне Глебовой-Судейкиной. На ней лежал отпечаток неповторимых черт петербургской художественной богемы десятих годов. С ее биографией мы знакомимся в "Поэме без героя", с ее именем связан основной драматургический узел всего этого сложно-произведения.

Но посмотрите на дату, подписанную Анной Андреевной под "Вторым посвящением": 25 мая 1945 г. Это – окончание Великой Отечественной. Это – всплеск возбуденных чувств отчаяния и ликования, плач по погибшим и радость встреч с живыми. Этой вибрацией насыщен воздух первого месяца после войны, когда даже парад Победы на Красной площади еще не состоялся. Но исследователи и комментаторы творчества Ахматовой на замечают этого. Редактор первого научного издания стихотворений Ахматовой академик В. М. Жирмунский разъясняет: "Написано под впечатлением известия о смерти Глебовой (скончалась 20 января 1945 г. в Париже)". Но можно ли было во время войны узнать в Советском Союзе о смерти во Франции эмигрантки Судейкиной?! Конечно, нет. Анна Андреевна говорила нескольким людям (в том числе и мне), что она не знала о смерти подруги своей молодости, когда писала эти стихи. Она придавала важность этому, так как это подчеркивало ее обостренный слух, умеющий ловить незаметное другим движением времени.

Ахматова называет себя "старой шаманкой", которая защищается "заклинаниями" и "Посвящениями" из музыки и огня. От кого защищается? От

...Слышно, как время идет

Еще одно "военное" стихотворение

Анны Ахматовой

Лит. газ. – 1996 – 1 июля – с. 6.

слишком рациональных толкований ее "Поэмы...". Она пишет: "Конечно, каждое сколько-нибудь значительное произведение искусства можно (и должно) толковать по-разному (тем более, если оно относится к шедеврам). Например, "Пиковая дама"...". Тут Анна Андреевна приводит многочисленные толкования пушкинской повести и продолжает: "Но когда я слышу, что "Поэма..." и "трагедия совести"... и объяснение, отчего произошла Революция... и "Реквием по всей Европе...", трагедия искупления и еще невеста что, мне становится страшновато".

Такими отяжеляющими толкованиями некоторые, причем очень мною уважаемые исследователи сопровождают и воздушное "Второе посвящение". У одного образ "Путаницы-Психеи" превращается в "философскую метафору", у другого "шепоточек слышный в плюще" превращается в намек на какие-то темные пятна в биографии Судейкиной. Но о ней все, что нужно автору, рассказано в самой "Поэме...". А во "Втором посвящении" автор говорит о самом себе. Перечитав первую строфу "Посвящения", мы поймем, почему Анна Андреевна настаивала на том, что мысль о смерти Судейкиной ей подсказало так развитое у нее умение видеть на расстоянии:

*Ты ли, Путаница-Психея,
Черно-белым веером вея,
Наклоняешься надо мной,
Хочешь мне сказать по секрету,
Что уже миновала Лету
И июню дышишь весной.*

Не диктуй мне, сама я слышу...

Здесь ключевым словом будет "по секрету". Ведь не для рифмы же в самом деле оно поставлено поэтом? Это и есть тот внутренний толчок, подсказавший ей, что то, которая ожила в ее памяти еще в 1940 году, как героиня будущей "Поэмы...", уже нет на земле.

Но поток жизни не прерывается. Этим чувством была пронизана вся духовная атмосфера первого послевоенного мая. Вот что "слышала" в эти уникальные для всех дни Ахматова своим чутким ухом поэта:

*Теплый ливень уперся в крышу,
Шепоточек слышу в плюще.
Кто-то маленький жить собрался,
Зеленел, пушился, старался
Завтра в новом блеснуть плеще.*

Никогда так остро не ощущалось течение времени, как в весну 1945 года. Эти весны, знаменующие для одних смерть, для других начало жизни, а для третьих одиночество, не забыты Ахматовой в этом "Посвящении":

Сплю – она одна надо мною.

Ту, что люди зовут весною,

Одиночеством я зову.

Сплю – мне снится молодость

наша,

Та, с е го миновавшая чаща;

Я ее тебе навяу,

Если хочешь, отдам на память,

Словно в глине чистое пламя

Иль подснежник в могильном рву.

Это след от недавнего ее разрыва с Гаршиным, другом последних предвоенных лет. Сколько бы ни размышляли биографы Ахматовой о причинах этой драмы, основная причина одна – война. Три года, проведенные любящими в разлуке, развелили их навсегда. Он оставался в блокадном Ленинграде, она оказалась в цветущем Ташкенте, окруженная уже забытой ею атмосферой обожания и заботы. Оба изменились так, что почувствовали это тут же на Московском вокзале в Ленинграде, при первой встрече. Автобиографический мотив одиночества вмещает в себя и другое прощание, когда Ольга Глебова-Судейкина и общий их друг композитор Лурье покинули навсегда Россию в начале 20-х. По существу, это было прощание Ахматовой со своей молодостью. Она признала это в мае 1945-го, пронизанном токами беспрерывно движущегося времени.

Словно в глине чистое пламя

Иль подснежник в могильном рву.

Эмма ГЕРШТЕЙН